

Петерсон Николай Павлович

**Н.Ф. Федоров и его книга
"Философия общего дела" в
противоположность учению
Л.Н. Толстого "О
непротивлении" и другим
идеям нашего времени**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Павлович П.**
Н.Ф. Федоров и его книга "Философия общего дела" в противоположность
учению Л.Н. Толстого "О непротiwлении" и другим идеям нашего времени /
Петерсон Николай Павлович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 201 с.

ISBN 978-5-521-27979-1

ISBN 978-5-521-27979-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Собранные въ этой книгѣ статьи имѣютъ одну цѣль—обратить вниманіе на ученіе Н. Э. Федорова, какъ оно выражено имъ въ „Философіи Общаго дѣла“, обратить вниманіе на эту книгу. Въ такихъ видахъ и сопоставляется ученіе Федорова съ ученіемъ Толстого, который въ своихъ призывахъ къ *не-дѣланію и не-противленію* довелъ до абсурда направление, совершенно вѣрно названное Тургеневымъ *нигилизмомъ*. Призывы Толстого къ не-дѣланію и не-противленію приводили, однако, къ величайшему противленію, выражаясь во всякаго рода забастовкахъ и т. п. проявленіяхъ *не-дѣланія*. Проповѣдуя *не-дѣланіе и не-противленіе*, Толстой самъ запутался и погибъ, не найдя выхода изъ трагическаго положенія, въ которомъ оказался. Писаревъ пытался убѣдить, что направление, названное Тургеневымъ *нигилизмомъ*, есть по существу своему *реализмъ*; Писаревъ хотѣлъ Базарова подмѣнить Рахметовымъ (изъ „Что дѣлать“ Чернышевскаго) и успѣлъ произвести большое впечатлѣніе прежде всего, конечно, на молодежь, непривыкшую самостоятельно мыслить, на молодежь шестидесятыхъ годовъ, которая въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ образовала большинство нашего образованнаго, интеллигентнаго общества, почти сплошь состоявшаго изъ людей, застывшихъ въ томъ состояніи, въ томъ настроеніи своихъ мыслей, въ какомъ они были во дни своей юности; что имъ не помѣшало, однако, обратиться въ обыкновенныхъ чиновниковъ—бюрократовъ. Специфическимъ въ этихъ чиновникахъ—бюкратахъ было брюзжаніе на правительство, насильственно будто-бы поставившее ихъ въ отношенія, несвойственныя ихъ убѣжденіямъ, брюзжаніе на правительство, органами котораго состояли и сами брюзжавшіе, и органами не пассивными только, но и активными, потому, что въ числѣ жалующихся на правительство встрѣчаются и весьма высокопоставленные, до сенаторовъ включительно. У насъ возможны жалобы на правительство самихъ министровъ. Но кто же это правительство, на которое всѣ жалуются?... Одинъ изъ самовластнѣйшихъ нашихъ государей, Николай Павловичъ, говорилъ, что Россією управляетъ столоничальникъ; примѣняя же

это выраженіе къ современной жизни, можно сказать, что Россією управляетъ волостной писарь. Но какъ на столоначальника, такъ и на волостного писаря легко могли бы воздѣйствовать жалующіеся на правительство чиновники; если же они никакого воздѣйствія оказать не могутъ, то не потому-ли, что ничего не хотятъ знать и дѣлать по принятой на себя должности, относясь къ принятымъ на себя обязанностямъ свысока, считая такое дѣло ниже своего достоинства и предпочитая лучше ничего не дѣлать. ., Настроеніе, въ которомъ застыли всѣ эти шестидесятники, семидесятники, восмидесятники, въ наши дни, дни реакціи, какъ ихъ называютъ, — считается идеальнымъ. А что это было за настроеніе, можно видѣть хотя-бы изъ статьи Е. Водовозовой — „Среди молодежи шести десятыхъ годовъ“ (Современникъ 1911 г., мартъ). Настроеніе это выразилось въ осужденіи и отрицаніи всего стараго, всего бывшаго, въ осужденіи старшихъ, высшихъ, отцовъ; — какъ будто мы не кость отъ костей и не плоть отъ плоти отцовъ нашихъ, какъ будто все созданное до насъ не есть необходимая ступень для дальнѣйшаго движенія. И такъ думали называвшіе себя реалистами!!... Выразителемъ и истолкователемъ этого настроенія былъ Писаревъ, котораго и теперь нѣкоторые считаютъ своимъ учителемъ, а большинство такъ называемаго прогрессивнаго, образованнаго общества, безотчетно, можно сказать, находится подъ влияніемъ его идей, выраженныхъ въ статьѣ „Реалисты“ и другихъ. Это обстоятельство и побудило сопоставить ученіе Теодорова съ идеями также Писарева, имя котораго почти не упоминается въ наше время, но это не значитъ, что Писаревъ забыть.

По мысли автора „Философіи Общаго Дѣла“ сущность православія, которое есть высшее выраженіе религіи, заключается въ общемъ дѣлѣ спасенія, требующемъ отъ существъ разумныхъ управленія слѣпными силами природы, — въ дѣлѣ, требующемъ обращенія этихъ силъ изъ смертоносныхъ въ живоносныя. Въ общемъ дѣлѣ спасенія — весь смыслъ православія при существованіи католицизма и протестантизма, изъ которыхъ католицизмъ полагаетъ возможнымъ спасеніе для каждаго въ отдѣльности, при чемъ спасеніе пріобрѣтается, или-вѣрнѣе-заслуживается, покупается, дѣлами благочестія. Но въ числѣ такихъ дѣлъ легко оказываются и борьба съ собою подобными, крестовые походы противъ невѣрныхъ и схизматиковъ, участіе въ борьбѣ за папѣ противъ императоровъ, а въ концѣ концовъ оказывается возможнымъ откупаться отъ всѣхъ этихъ дѣлъ, т. е. пріобрѣтать спасеніе за деньги (индулгенціи) Когда католическое пониманіе христіанства было доведено до абсурда, тогда протестантизмъ объявилъ, что никакихъ дѣлъ для спасенія не нужно, нужна только вѣра въ искупительную силу жертвы, принесенной за насъ,

за весь міръ, нашимъ Спасителемъ, Господомъ Иисусомъ Христомъ. Но если для спасенія достаточно одной вѣры, нужна только вѣра, то это значитъ, что весь языческій міръ, бывшій до Христа, надо признать окончательно погибшимъ; и зачѣмъ въ такомъ случаѣ міръ существовалъ и существуетъ послѣ того, какъ искупительная жертва была принесена, послѣ того какъ Христосъ воскресъ?... И, наконецъ, почему Христосъ не сошелъ со креста, какъ это требовали іудеи, или же почему воскресеніе Христа не совершилось торжественно и для всего міра явно, почему свидѣтелями воскресенія Христа были только немногіе и совершилось оно такъ непримѣтно, что такіе свидѣтели, какъ воины, стерегшіе пречистое тѣло, не могли, очевидно, хорошенько и уяснить себѣ, что такое произошло, почему и могли быть подкуплены, могли рѣшиться утверждать, что Христосъ не воскресъ, а тѣло Его было украдено?... При сошествіи со креста, при торжественномъ, для всего міра очевидномъ воскресеніи Христа, не вѣрить было-бы нельзя... Не слѣдуетъ-ли изъ этого заключить, что одной вѣры, вопреки мнѣнію протестантовъ, для спасенія не достаточно, не приводятъ къ спасенію и дѣла благочестія каждаго въ отдѣльности, какъ это слѣдуетъ католически; что же нужно для спасенія? Не очевидно-ли, что нужна не вѣра только и не дѣла, какъ заслуга, за которую *дафуетса* спасеніе, нужно единое общее всѣхъ людей дѣло, *дѣло устройства самого спасенія*, т. е. избавленія отъ смерти. Дѣло это, невозможное для каждаго въ отдѣльности, требуетъ труда, преемственнаго труда всего рода человѣческаго, объединеннаго по образу Пресвятой Троицы, во имя Отца и Сына и Святого Духа... И только для дѣла устройства самаго спасенія, спасенія всеобщаго, нужно объединеніе людей, нужна церковь и церковь вселенская. Если же возможно спасеніе каждаго въ отдѣльности, путемъ заслуги лишь, а не устройствомъ самого спасенія, тогда для чего нужно объединенія для чего нужна церковь? И вотъ до тѣхъ поръ, пока православная церковь не признаетъ своею сущностью дѣла всеобщаго спасенія, православіе будетъ только *не-католицизмъ* и *не-протестантизмъ*, какъ опредѣлил его извѣстный В. С. Соловьевъ; противъ протестантовъ православные будутъ приводить доводы католиковъ, а противъ католиковъ доводы протестантовъ, какъ это повелось у насъ изстари и, вѣроятно, раньше еще Стефана Яворскаго и Θεофана Прокоповича.

Богъ создалъ міръ, силы природы, создалъ и человѣка, существо разумное, одаренное сознаниемъ, а потому и способное управлять созданною Богомъ силою. И отдалъ Богъ созданную Имъ силу въ управленіе разумному существу, сказавъ: „Обладайте ею и владычествуйте“ (Бытіе, I, 28). Но разумное существо ограничило себя созерцаніемъ и наслажденіемъ, и

тогда сила, оставленная самой себѣ, безъ управленія, стала слѣпою, и по бездѣйствію разумной стала творить зло, созидая, стала разрушать созданное... Существо же разумное, признавъ себя лишь созерцающимъ и отождествивъ созерцательность съ разумностію, размножившись, не осталось единымъ и въ лицѣ наиболѣе отчуждившихся отъ большинства, ставшихъ блудными сынами, въ лицѣ интеллигентовъ и философовъ (худшихъ изъ людей, возмнившихъ себя лучшими) убѣдило себя, что нужно каждому знать лишь самого себя. „*Познай себя*“—было заповѣдью разъединенія и отрицаніемъ необходимости объединенія. Разъединеніе же и борьба сдѣлали людей слабыми, ограничивающими другъ друга. Выходя изъ этой же нечестивой заповѣди, повелѣвающей знать лишь себя, заботиться, о своемъ лишь самоусовершенствованіи, и не признавая послѣдствій разъединенія и борьбы, утратившіе цѣль и смыслъ жизни произнесли великое богохульство, сказавъ будто Богъ создалъ человѣка,—*свой образъ и подобіе*,—ограниченнымъ и конечнымъ. Къ чести рода человѣческаго нужно сказать, что если и находились въ средѣ его отрицавшіе бытіе Бога, то только въ такомъ оклеветанномъ видѣ... Нашлись, впрочемъ, такіе, которые вздумали оправдывать Бога въ своей собственной винѣ, которые признали, что Богъ создалъ *ограниченную* разумную силу и *неограниченную* силу слѣпую, и первую—*чувствующую* подчинилъ послѣдней—*безчувственной*, такъ, что разумная сила, т. е. разумныя существа стали смертными, а неразумная сила бессмертною, сила неразумная, безчувственная стала „*красою вѣчною сіяющею*“, существа же разумныя и чувствующія преданы безобразію тлѣнія.... Но такое оправданіе было хуже всякаго обвиненія.. „Покайтесь“—заповѣдь собиранія (полнѣе выраженная въ заповѣди—„*шедше, научите, крестяще*“, т. е. очищая покаяніемъ) была направлена противъ эгоистической заповѣди разъединенія. Покаяться значитъ признать, что не Богъ создалъ насъ ограниченными и смертными, т. е. умерщвляющими себя и другихъ („Богъ смерти не создалъ“,—говорится въ писаніи,) за что задача наша—объединеніе, объединеніе для возвращенія жизни умерщвленнымъ. Таковъ великій результатъ самообвиненія намѣсто Богообвиненія; самообвиненіе, или покаяніе, обращаетъ весь родъ человѣчскій въ орудіе Бога для возвращенія жизни умершимъ или умерщвленнымъ.

Книга—„Философія Общаго Дѣла“—есть обращеніе прежде всего къ ученымъ духовнаго сана, т. е. къ вѣрующимъ, а также и къ ученымъ свѣтскимъ, т. е. къ сомнѣвающимся, приглашающее всѣхъ этихъ ученыхъ къ примиренію *въ долъ*, въ общемъ дѣлѣ спасенія отъ всѣхъ золь, приводящихъ къ смерти, въ дѣлѣ отеческомъ. „Философія Общаго Дѣла“ приглашаетъ замѣнить ожесточенные и безплодные споры, пере-

ходящіе въ фанатическія ссоры, которымъ не можетъ быть конца, доказательствомъ отъ общаго дѣла, отъ дѣла Божія къ Его бытію. Только, становясь орудіями дѣла Божія, мы почувствуемъ правящую нами десницу и сознаемъ на себѣ руку Господню; и въ такомъ лишь доказательствѣ заключается единственное средство, которое можетъ примирить вѣрующихъ съ невѣрующими, вѣрнѣе же сказать — съ сомнѣвающимися только. „Философія Общаго Дѣла“ — вовсе не философія, а *призывъ*, обращенный ко всѣмъ смертнымъ, призывъ къ дѣлу всеобщаго спасенія, — спасенія отъ смерти. — призывъ къ исполненію заповѣди Нашего Спасителя, Господа Иисуса Христа, —, шедше убо и научите вся языки, *крестяще* ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа“. Тутъ говорится — „научите“, но чему научить, повидимому, не опредѣляется; если же мы примемъ во вниманіе, что крещеніе есть омовеніе, очищеніе отъ грѣха — причины смерти, что крещеніе, слѣдовательно, есть избавленіе и отъ самой смерти, т. е. новое рожденіе, за которымъ не можетъ, *не должно* быть смерти, если мы примемъ во вниманіе, что заповѣдь эта дана тотчасъ же по воскресеніи Самимъ Воскресшимъ, Первенцемъ изъ мертвыхъ, дана Христомъ по Его воскресенію, за которымъ необходимо должно послѣдовать всеобщее воскресеніе — воскресеніе всѣхъ умершихъ, — го поймемъ, что въ повелѣній *научить* — заключается требованіе всеобщаго образованія, приводящаго къ познанію первороднаго грѣха, слѣдовавшаго весь родъ человѣческой смертнымъ, къ такому познанію, которое переходитъ въ дѣло очищенія отъ грѣха, въ дѣло избавленія отъ смерти, въ дѣло воскрешенія, — мы поймемъ, что *наученіе* должно заключаться въ изученіи тѣхъ силъ, отъ которыхъ зависитъ жизнь и смерть т. е. въ изученіи силъ природы, сочетаніе коихъ и создало все существующее, и небо и землю, и насъ земнородныхъ, все, что есть и, что было; при чемъ изученіе этихъ силъ не должно оставаться только знаніемъ, а должно переходить въ дѣйствіе, въ управленіе силами природы, въ обращеніе ихъ изъ смертоносныхъ въ живоносныя. Такимъ образомъ заповѣдью, данною Христомъ по своему воскресенію и предъ своимъ вознесеніемъ, дается предметъ знанія и дѣйствія, — предметъ громадный, требующій и грамадныхъ силъ... Предмету этому могутъ соотвѣтствовать только объединенныя силы всѣхъ людей, всего рода человѣческаго, когда онъ придетъ къ единству по образу Пресвятой Троицы, т. е. во имя Отца и Сына и Св. Духа. Только такъ объединенный, многоединный родъ человѣческой и уподобится Богу Тріединому, будетъ образомъ и подобіемъ. Божіимъ, получить возможность познать всѣ силы природы и, познавъ, получить силу управлять ими во благо всѣхъ и всего. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги „Философія

Общаго Дѣла".— Необходимо однако замѣтить, что въ этой книгѣ нельзя искать категорическихъ указаній, связывающихъ умъ и волю, напротивъ, все въ ней излагаемое есть лишь *вопросы*, возбуждающіе чувство, умъ и волю, нудящіе къ разрѣшенію этихъ со всѣхъ сторонъ обступающихъ, тѣснящихъ насъ вопросовъ. Только постановка вопросовъ здѣсь иная, чѣмъ это было до сихъ поръ. Авторъ книги говоритъ, что слово *вопросъ*, употребляется въ разныхъ смыслахъ, напримѣръ — „Восточный вопросъ“, Китайскій (желтая опасность), или же, напримѣръ, вопросъ о мѣстонахожденіи Иліона, либо средневѣковаго Каракорума. Первые два вопроса имѣютъ практическое *дѣловое* значеніе, они спрашиваютъ, *что нужно дѣлать*, а не знать лишь только; самое возникновеніе этихъ вопросовъ указываетъ на нѣкоторую опасность для жизни, или существованія не только странъ, къ которымъ вопросы относятся, но и для сѣбѣдныхъ съ ними... Вопросы же о мѣстонахожденіи Иліона и Каракорума являются,—покрайней мѣрѣ въ настоящее время,—вопросами только знанія, только учеными вопросами, которые говорятъ лишь о томъ, что нужно *думать*, а не дѣлать. Все наше знаніе есть вопросъ, и можно сказать даже,—какъ толкъ въ знаніи при настоящемъ его несовершенномъ состояніи перестаютъ видѣть вопросъ или предположеніе, оно становится суетвѣріемъ и замираетъ. Даже положеніе Коперника о движеніи земли вокругъ солнца есть лишь предположеніе, пока оно недоказано осязательно.. Въ жизни, какова она теперь есть, для человѣка въ настоящемъ его состояніи существуютъ лишь вопросы; да и сама жизнь при наличности смерти есть вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ не мыслью, а дѣломъ, общимъ всѣхъ людей трудомъ; въ этомъ-то дѣлѣ и заключается и благо, и счастье, или блаженство человѣческаго рода. Безсмертія, т. е. неотъемлемости жизни, не дано человѣку по праву рожденія (которое не бываетъ безгрѣшнымъ).—безсмертіе можетъ достаться человѣку только *по труду*, какъ слѣдствіе труда. Это вопросы не одного ума, но и чувства и воли. Мы сами для себя и другіе для насъ, какъ и мы для нихъ представляемъ вопросъ, и весь міръ, не смотря накажущуюся его необъятность входитъ въ этотъ вопросъ... Смерть все обращаетъ въ вопросъ... Проживъ столько тысячелѣтій, родъ человѣческій не рѣшилъ еще, для чего онъ существуетъ и на что способенъ въ чемъ должно состоять его дѣло, *общее дѣло*, дѣло всѣхъ людей въ ихъ совокупности. До сихъ поръ родъ человѣческій не разрѣшилъ вопроса о цѣли и смыслѣ своего существованія не разрѣшилъ вопроса о томъ, — *чего ради созданъ бытъ человѣкъ*“, — какъ это говорилось у насъ въ старину. „Философія Общаго Дѣла“ не постановку только, но и предуканіе разрѣшенія этого вопроса видитъ въ вѣрованіи нашихъ пред-

ковъ, въ вѣрованіи древней Русь, что „люди созданы всѣмъ небесными силами взятъ изъ каменныхъ ангеловъ, чтобы быть божественными орудіями въ дѣлѣ управленія міромъ, въ дѣлѣ возстановленія міра въ то благодѣтельное неплѣтнѣе, въ которомъ онъ была до паденія... И прежде всего, конечно, предметомъ возстановленія должны быть падшіе, т. е. умершіе, отцы и братья наши должны быть прежде всего воскрешены.

Помѣщенную въ книгѣ (на стр 94—120) мою переписку со Л. Н. Толстымъ должно дополнить послѣднимъ его письмомъ ко мнѣ отъ 5 го октября 1910 года, дошедшимъ до меня лишь 31 октября. Письмо это Л. Н.-чъ написалъ мнѣ въ отвѣтъ на мои брошюры 1, „Единеніе людей можетъ-ли быть цѣлью жизни человѣческой“, — которая помѣщена въ этой книгѣ на стр. 121—127, и 2, „По поводу книги — „Наше преступленіе“—А. И. Родіонова“ (стр. 128—140-я настоящей книги). Вотъ это письмо:

Ясная Поляна, 5 окт. 10 г.

Н. П. Петерсону.

Получилъ Ваше письмо, милый Николай Павловичъ, и узналъ въ немъ васъ и все то, что я люблю въ васъ и что истинно достойно любви ото всѣхъ. Статьи ваши прочелъ и со мною согласился, съ основною же мыслью вашею (о спасеніи, спасеніи въ томъ смыслѣ, какъ вы его понимаете), какъ всегда, къ сожалѣнію, не могу согласиться, — ни съ вами, ни съ дорогою для меня памятью Николая Федоровича. Вы находите, что мысль моя о томъ, что избавленіе, освобожденіе отъ зла есть та религіозная основа жизни, которая соединяетъ и можетъ соединить людей, не справедлива, что эта основа недостаточна. Основа эта вѣдь не что иное, какъ любовь, то самое чувство, которое свойственно всѣмъ людямъ, какъ каждый это сознаетъ въ себѣ и какъ это мы яснѣе всего видимъ на дѣлахъ. Любовь есть Богъ, Богъ есть любовь, какъ выражаетъ это апостолъ Іоаннъ и какъ мы всѣ, — я покрайней мѣрѣ, — исполнѣе сознаемъ. И потому съ моей точки зрѣнія вся дѣятельность наша, преимущественно усиліе не — дѣланія, должна быть направлена на то соединеніе всѣхъ, которое составляетъ сущность и цѣль любви. Достигается же эта цѣль очень опредѣленной дѣятельностью воздержанія себя и исправленія себя отъ всѣхъ тѣхъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, — блуда, корыстолюбія, недоброжелательства, гордости, тщеславія, мстительности, ложныхъ церковныхъ, научныхъ ученій, — которыя препятствуютъ достиженію цѣли любви — единенія.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ. Не помню, когда и о чемъ я просилъ васъ не писать мнѣ. Мнѣ даже очень совѣстно, если я когда нибудь просилъ васъ объ этомъ. Пожалуй, ста пишите мнѣ обо всемъ, что вамъ близко къ сердцу и въ

особенности о томъ, въ чемъ вы несогласны со мною и критикуете меня. Это всегда, и, въ особенности отъ такихъ искреннихъ людей, какъ вы, полезно, а потому и приятно. Книги Николая Оедоровича у меня нѣтъ и потому пожалуйста пришли-те мнѣ ее. Непремѣнно внимательно перечту ее. Прощайте!.. Искренно любящій Васъ Левъ Толстой.

Къ сожалѣнію, я не успѣлъ отвѣтить на это письмо, — Левъ Николаевичъ, 7-го ноября 1910 г. скончался. Я, говорю, къ сожалѣнію, потому, что только невнимательно прочитаю мою статью — „Единеніе людей можетъ—ли быть цѣлью жизни человѣческой“, — можно было подумать, будто я нахожу несправедливою мысль, признающую въ избавленіи отъ зла ту религіозную основу жизни, которая соединяетъ и можетъ соединить людей, будто я нахожу эту основу не достаточною. Если-бы Л. Н-чъ внимательно прочиталъ мою статью, онъ увидаль-бы, что я считаю достаточною цѣлью для жизни человѣческой *единеніе* безъ опредѣленія, для чего это единеніе нужно; единеніе же для избавленія это и есть именно то, къ чему дѣлается призывъ въ книгѣ *Философія Общаго Дѣла*“. Въ письмѣ Толстого къ славянскому съѣзду въ Ссфіи, — по поводу котораго и была написана вышеозначенная статья моя, — говорится: „единеніе людей есть не только важнѣйшее дѣло человечества, но въ немъ, я вижу, и смыслъ, и цѣль и благо человѣческой жизни“; а къ чему нужно это единеніе, объ этомъ въ письмѣ Л. Н-ча говорится такъ смутно такъ неясно, что приходится лишь догадываться, что и онъ приглашаетъ не просто къ единенію, а къ единенію для избавленія отъ зла. Догадавшись объ этомъ изъ словъ, — „*единеніе есть ключъ, освобождающій отъ зла*“, — я спрашиваю въ своей статьѣ: „Должно ли изъ этого заключить, что освобожденіе отъ зла, — не себя лишь и ни нѣкоторыхъ только, а всѣхъ людей безъ всякихъ исключеній, — и есть та основа, общая всему человечеству, которая и должна быть цѣлью жизни, единеніе же будетъ средствомъ достиженія этой цѣли?“ — „Можно-ли изъ * этого заключить,“ — спрашиваю я — „что избавленіе, освобожденіе отъ зла, т. е. *всеобщее спасеніе*, и есть та религіозная основа жизни, которая одна соединяетъ людей?...“ И въ своемъ письмѣ, отъ 5-го октября 1910 г. Л. Н-чъ отвѣчаетъ на эти вопросы утвердительно, онъ называетъ *своею* мысль, „что избавленіе, освобожденіе отъ зла — есть та религіозная основа жизни, которая соединяетъ и можетъ соединить людей“. Если же по мысли Л. Н-ча, избавленіе отъ зла есть именно та, религіозная основа, которая соединяетъ и можетъ соединить людей, то, слѣдовательно, и Л. Н-чъ по крайней мѣрѣ къ концу жизни, пришелъ къ тому же пониманію *спасенія*, въ призывѣ къ которому весь смыслъ „*Философіи Общаго Дѣла*“. И если Л. Н-чъ не

замѣтилъ этого торжества. то только потому, что невнимательно отнесся къ означенной книгѣ и къ тому, что слышалъ отъ меня, или же, вѣрнѣе, эта мысль и самому Л. Н-чу была не ясна, до самого конца. Даже въ заключеніи послѣдняго ко мнѣ письма своего, Л. Н-чъ опять возвращается къ *любви—единенію*, въ достиженіи чего,—а не въ избавленіи отъ зла,—видитъ онъ цѣль, вопреки высказанному имъ раньше, въ томъ же письмѣ. Повторяю, что не нахожу мысль, по которой избавленіе отъ зла есть религіозная основа жизни, несправедливою, не нахожу основу эту недостаточною, напротивъ—именно въ *дѣлѣ* избавленія отъ зла, *въ дѣлѣ всеобщаго спасенія*,—по христіански, я вижу и цѣль, и смыслъ, и благо человѣческой жизни, въ единеніи же, я вижу, не цѣль, а лишь средство для достиженія цѣли. Только единеніе для избавленія отъ зла, для достиженія блага приведетъ людей и къ любви всеобщей, всеобъемлющей, которая сдѣлаетъ изъ людей,—рода человѣческаго,—единый родъ, безъ раздѣленій на народы, сословія, на высшихъ и низшихъ, создастъ союзъ нерасторжимый. дасть людямъ истинное блаженство. Л. Н-чъ, въ своемъ письмѣ, отъ 5-го октября, говоритъ: „Эта основа (т. е. избавленіе отъ зла) вѣдь есть ничто иное, какъ любовь“. Нѣтъ,—возражу я Л. Н-чу,—это еще не любовь, а то, что можетъ привести къ любви. Говорятъ же далѣе, что любовь есть „то самое чувство, которое свойственно всѣмъ людямъ“,—Л. Н-чъ противорѣчитъ, не только всему, что мы видимъ, что мы знаемъ, но даже и себѣ самому. Такъ—въ письмѣ къ неизвѣстному Л. Н-чъ говоритъ,—„какъ это любить Бога и ближняго, тогда какъ въ меня вложена ни на мгновеніе, не покидающая меня любовь къ себѣ и очень часто столь же постоянная ненависть къ другимъ“. (См. Моя переписка съ гр. Л. Н. Толстымъ“, стр. 108-я этой книги). Такимъ образомъ, по мнѣнію самаго Л. Н,—(и должно признать это мнѣніе совершенно вѣрнымъ),—любовь не есть, что либо намъ данное, вложенное въ насъ, свойственное всѣмъ людямъ, любовь должна быть нами самими выработана, она зарождается въ людяхъ съ сознаниемъ недостаточности однѣхъ собственныхъ силъ, для избавленія отъ со всѣхъ сторонъ обуревающего насъ, зла, зарождается съ сознаниемъ необходимости единенія съ другими для достиженія блага, и развивается вмѣстѣ съ развитіемъ этого сознанія, обнимая все большіе круги,—сначала любовь органичивалась семьей, затѣмъ родомъ, народомъ, городомъ, государствомъ—отечествомъ. До всеобъемлемости, до совершенства, любовь дойдетъ въ томъ лишь случаѣ, если люди увидятъ, что они избавятся отъ всѣхъ золъ и достигнутъ блаженства только совокупными силами всѣхъ людей, направленными къ управленію силами естества, т. е. тѣми силами, отъ коихъ зависитъ наша жизнь, наше благо.

А для этого недостаточно одного — „воздержанія себя и исправленія себя отъ всѣхъ тѣхъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, — блуда, корыстолюбія, недоброжелательства, гордости, тщеславія, мстительности, *ложныхъ церковныхъ, научныхъ учений*, которыя препятствуютъ достиженію цѣли, любви — единенія“, — какъ это полагаетъ Л. Н.-чѣ. Какъ возможно однимъ только воздержаніемъ избавиться отъ чумы, холеры, отъ атмосферныхъ грозъ, которыя убиваютъ, отъ землетрясеній, отъ засухъ и наводненій, грозящихъ голодомъ, и отъ тому подобныхъ бѣдствій. Для избавленія отъ всѣхъ такихъ бѣдствій нужно знаніе, недоступное для каждаго въ отдѣльности, нужна преемственность знанія многихъ поколѣній, нужно и преемственное дѣйствіе; а не „*усиліе не-дѣланія*“, какъ это думаетъ Л. Н.-чѣ. Только при обращеніи *всѣхъ* въ познающихъ и *всего* въ предметъ знанія, причемъ познающіе должны быть и дѣйствующими, можно надѣяться достигнуть спасенія отъ всѣхъ золъ, что и должно быть цѣлью всѣхъ людей, всего рода человеческого. Общая цѣль, требующая и общаго дѣла, приведетъ людей и къ всеобщей любви, къ любви совершенной... Воздерживаться отъ грѣховъ и соблазновъ, — это хотя и недостаточно, но понятно; но какъ воздерживаться отъ суевѣрій, отъ ложныхъ церковныхъ и научныхъ ученій? То, что я считаю суевѣріемъ, ложнымъ церковнымъ или научнымъ ученіемъ, никакого дѣйствія на меня имѣть не будетъ, а слѣдовательно и воздерживаться отъ суевѣрій и ложныхъ ученій не придется. Если же суевѣріе я считаю вѣрою истинною, а ложное ученіе считаю вѣрнымъ, справедливымъ, то нужно убѣдить меня въ суетности моей вѣры и въ лживости ученія, принимая его мною за истину, для того чтобы суевѣріе и ложное ученіе не имѣли на меня дѣйствія, чтобы я не руководился ими въ моей дѣятельности, въ моей жизни. Кромѣ сказаннаго необходимо еще добавить, что для воздержанія не требуется и единенія, воздерживаться каждый можетъ самъ, въ отдѣльности отъ другихъ, а потому одно воздержаніе, не — *дѣланіе* — *усиліе не-дѣланія*, — какъ выражается Толстой, — въ единеніи, не нуждается, не можетъ привести и къ любви, — напротивъ, приводитъ къ отчужденію. Только избавленіе отъ всѣхъ золъ, — голода, болѣзней и, вообще, отъ всякаго рода бѣдствій, — есть та религіозная основа, которая можетъ объединить людей. Весь смыслъ всѣхъ религій заключается въ избавленіи отъ золъ и бѣдствій, которымъ подверженъ человѣкъ; дѣло же *всеобщаго*, а не личнаго только, *спасенія* отъ всѣхъ золъ и бѣдствій есть сущность православія, какъ высшаго выраженія религіознаго сознанія. Религія вовсе не есть „*переживание своего образнаго духовнаго опыта*“, — какъ нынѣ думаютъ нѣкоторые изъ православныхъ, — религія есть именно дѣло спасенія